

Глава 10. Мяу

Говорят, иные мелодии способны усмирить даже самого лютого злодея, а простенькая детская песенка — изгнать из души всех бесов. Фан Юань в этот миг ощутил нечто подобное. Он только что вышел от начальства, где ему в очередной раз потрепали нервы, и теперь, услышав знакомую мелодию из «Инспектора Кота», испытал странное, почти противоестественное умиротворение.

По крайней мере, сейчас все его мысли были заняты картиной того, как его лучший друг нянчится с ребенком, и ни на что другое места в голове просто не оставалось.

Малыш сидел на коленях у его друга, и они, прижавшись головами друг к другу, с увлечением смотрели мультфильм про инспектора Кота на экране телефона.

Из-за поразительного сходства в выражениях лиц, движениях и даже ракурсе, они выглядели необъяснимо похожими. Кто не знал, мог бы и вправду принять их за отца и сына.

Фан Юань поспешно отогнал странную мысль и шагнул в палату.

Сейчас здесь были только Цзин Чжи и малыш. Пара с соседней койки сегодня выписалась, уже собрав свои вещи и уехав, а сиделка только что вышла, чтобы купить обед для себя и ребенка.

Заметив боковым зрением знакомый силуэт, оба — и большой, и маленький — одновременно повернули головы.

Цзин Мими, конечно же, узнал Фан Юаня. Это был лучший друг папы, который, приходя в гости, вечно дразнил его, когда он был еще котенком. Больше всего он любил одним пальцем тереть его висячие ушки, и каждый раз Мими убегал к папе, жалобно мяукая и жалуясь на обидчика.

А еще этот друг был ужасным болтуном, его рот просто не закрывался. Даже коту это надоедало; каждый раз, слушая его бесконечную трескотню, Мими нетерпеливо помахивал хвостом.

Впрочем, он не то чтобы ненавидел этого друга. Когда папа был с ним, он всегда выглядел расслабленным и счастливым.

Котенок чувствовал это, даже когда просто лежал у папы на коленях.

— Пришел, — Цзин Чжи поставил мультфильм на паузу и улыбнулся ему. — Принес, что я просил?

— Принес, — Фан Юань поднял пакет, который держал в руке, и подошел прямо к кровати.

Перед его приходом Цзин Чжи попросил по пути завезти кое-какие вещи: предметы первой необходимости, зарядку для телефона и одну знакомую игрушку в форме рыбки.

Он протянул пакет Цзин Чжи, и тот, недолго думая, вытряхнул всё его содержимое прямо на больничную койку.

Увидев среди вещей голубую плюшевую рыбку, Цзин Мими мгновенно просиял и тут же протянул к ней свои маленькие ручки.

Ощущение мягкого ворса было совсем не таким, как раньше, когда он играл с ней, будучи

котенком. Да и сама игрушка стала больше.

Вскоре рыбка уже была в его объятиях, и он с нежностью потерся о нее щекой.

Цзин Чжи бросил на Фан Юаня многозначительный взгляд, понятный только им двоим.

Фан Юань, однако, отнесся к этому скептически.

Он прекрасно понял, что хотел сказать Цзин Чжи. Эта плюшевая рыбка продавалась в одной сетевой сувенирной лавке; она была сделана из очень приятного на ощупь материала и выпускалась в трех размерах: большом, среднем и маленьком. Когда-то Цзин Чжи купил Мими самую маленькую, и котенок ее просто обожал — постоянно таскал в зубах и даже спал с ней в обнимку.

И вот теперь он попросил купить для малыша игрушку среднего размера, чтобы посмотреть на его реакцию.

Реакция была восторженной — он не выпускал ее из рук.

Все сходилось с теорией о том, что в него вселился дух котенка Мими.

Но разве не нормально для ребенка любить такие игрушки? Он и сам в детстве их любил.

Да что там в детстве, ему и сейчас они нравятся.

Фан Юань беззастенчиво протянул руку и взъерошил волосы на голове малыша, нарочно спросив:

— Мими, тебе нравится эта игрушка?

Раз уж Цзин Чжи так упорно верит, что в малыша вселился его кот, он подыграет ему и будет обращаться с ребенком как с Мими. Клин клином вышибают — может, так он быстрее придет в себя.

Здоровая психологическая привязанность — это не плохо, но нездоровая, иррациональная вера может быть признаком психического расстройства.

Как лучший друг, он не мог позволить Цзин Чжи и дальше заблуждаться.

Цзин Мими поднял на него глазки, и, поглощённый радостью от нового приобретения, невольно кивнул.

Цзин Чжи замер, недоверчиво глядя на пушистую макушку в своих объятиях, а затем, сияя от восторга, поднял глаза на друга. Пользуясь отсутствием сиделки, он нетерпеливо потребовал подтверждения:

— Он... он признался.

Цзин Мими, прижимавшийся щекой к плюшевой рыбке, застыл, запоздало осознав, что произошло.

«Кошачий Бог сказал, что нельзя признаваться, что я — котенок Мими. А я только что... только что...»

Лицо Фан Юаня оставалось невозмутимым. Он с кривой усмешкой посмотрел на своего друга и протянул:

— Так ты уже и имя Мими ему дал?

Он помнил, как Цзин Чжи говорил, что малыш не отвечает ни на какие вопросы, и даже имени его никто не знает. Неожиданно, что он просто взял и назвал его Мими.

— ...

— Я правда не называл его так.

Цзин Чжи чувствовал, что любые оправдания будут бесполезны.

Фан Юань, воспользовавшись моментом, наклонился и продолжил допрос малыша на руках у Цзин Чжи:

— Мими, а ты котик или человек?

Увидев внезапно приблизившиеся к себе лицо, Цзин Мими инстинктивно вжался в объятия папы, крепче прижимая к себе рыбку. В попытке исправить оплошность, он тихо ответил:

— Человек.

Он понял: этот человек не верит, что он — котенок Мими.

И он, наконец, на собственном опыте осознал смысл слов Кошачьего Бога: даже если папа и догадался, кто он, другие могут не поверить.

Цзин Мими с облегчением выдохнул.

Фан Юань бросил на Цзин Чжи взгляд, который говорил: «Ну что, убедился?»

Но Цзин Чжи, на удивление, сохранял спокойствие.

За эти несколько дней он заметил, что малыш почти ни с кем, кроме него, не общается. Даже на его собственные вопросы он часто уклонялся от ответа, прячась в его объятиях или обхватывая его за пояс, пытаясь сменить тему.

Так почему же, едва появился Фан Юань, он так охотно ответил на оба его вопроса?

Особенно на второй — про кота и человека. Ответ прозвучал слишком быстро, словно он отчаянно пытался что-то доказать. Это было слишком очевидно.

Кошачий хвостик так и норовил высунуться наружу.

Если бы он захотел, у него было множество способов доказать свою правоту, но было ясно, что малыш не хочет раскрывать себя. Так зачем же ставить его в неловкое положение?

Цзин Чжи поднял руку и оттолкнул Фан Юаня, чтобы тот держался подальше, а затем легонько похлопал по маленькому тельцу, прижавшемуся к нему.

— Не пугай его.

Фан Юань выпрямился и не сдержал раздраженного вздоха:

— Ты что, в роль отца вошел и выйти не можешь?

Цзин Чжи не стал ничего объяснять, лишь хмыкнул и прямо заявил:

— Я и так отец Мими.

Цзин Мими моргнул. В его душе десятки маленьких котят радостно замаякали.

Да, это его папа!

Фан Юань не выдержал:

— После выписки сразу идем к психологу.

Цзин Чжи неопределенно опустил взгляд и коснулся экрана телефона, возобновляя мультфильм.

Малыш смотрел с огромным удовольствием, не пропуская даже заглавную песню.

— Давай посмотрим «Инспектора Кота» вместе. Пусть учитель китайского языка научит нашего Мими грамоте, — с улыбкой пошутил Цзин Чжи, обращаясь к застывшему рядом Фан Юаню.

— ...

— Я учитель китайского в старшей школе, а не воспитатель в детском саду, спасибо.

В итоге Фан Юань все же досмотрел с ними последнюю серию «Инспектора Кота». Не то чтобы он был способен научить такого кроху грамоте, просто захотелось очистить душу с помощью мультфильма из детства.

Сюжет про кота-людоеда в последней серии не на шутку напугал Цзин Мими. Он сжался в объятиях папы, крепче прижимая к себе рыбку.

Как могут существовать мыши, которые едят кошек... Какой ужас...

Котенок Мими был красивым породистым питомцем, выращенным в питомнике и вскормленным людьми. Боевыми навыками он не обладал, мышей никогда не ловил, и даже будучи бездомным, при виде диких крыс предпочитал прятаться.

Единственная мышь, которую он когда-либо ловил, была заводной игрушкой, купленной папами.

Цзин Чжи забеспокоился, что эта серия оставит у него психологическую травму. В конце концов, если представить себя на месте кота, мышь-людоед — это довольно страшно. Он тут же начал искать в интернете фотографии милых хомячков.

Внимание Цзин Мими переключилось.

Какие милые мышкы.

Увидев фотографии хомячков, Фан Юань вдруг сказал:

— У меня одна ученица в общежитии хомяка завела, комендант заметил, держать не разрешают. Домой забрать не может, так что теперь хомяк с клеткой у меня. Я за такими крохами ухаживать не умею, боюсь, помрет еще. Если хотите, могу вам отдать.

Сказав это, он вдруг спохватился и, наклонившись к уху Цзин Чжи, тихо спросил:

— Ты что, серьезно собираешься его усыновить? Что в полиции говорят? Разрешат?

Если отбросить всю эту историю с Мими, малыш и вправду был очаровательным. Цзин Чжи был вполне обеспечен, чтобы его воспитывать, к тому же, учитывая его ориентацию, своих детей у него не будет. Усыновление было бы неплохим вариантом.

Цзин Чжи не ответил.

Он и сам не знал, что ответить.

После вчерашнего разговора с Фан Юанем он немного изучил условия усыновления. Все остальное было в порядке, но одно из требований — возраст не менее 30 лет. Ему же было всего 27, так что он не подходил.

К тому же, еще неизвестно, как полиция решит поступить с этим малышом...

В этот момент дверь открылась, и в палату вошла сиделка с обедом, прервав их разговор.

Жар у Цзин Мими почти спал. Последние несколько дней он ел только пресную рисовую кашу, но теперь ему можно было разнообразить рацион.

Цзин Чжи хотел заказать еду с доставкой, но сиделка, женщина старой закалки, считала, что такая еда вредна для здоровья, и предложила сама сходить с термосом в ближайшее кафе. Цзин Чжи не стал возражать, ведь она действовала из лучших побуждений.

Сиделка бросила взгляд на незнакомое лицо Фан Юаня и, протянув ему контейнер с едой для малыша, нерешительно заговорила.

— Что-то случилось? — спросил Цзин Чжи.

Сиделка, немного помявшись, наконец спросила:

— Это ваш молодой человек?

Она краем уха слышала об ориентации Цзин Чжи. Хотя она и не понимала, как можно любить представителя своего пола, это было его личное дело и на их общение никак не влияло.

Цзин Чжи чуть не поперхнулся и поспешно возразил:

— Нет, это мой друг.

— Кхм-кхм... — Фан Юань как раз собирался что-то сказать, но от такой неожиданной и пугающей фразы закашлялся.

Хорошо еще, что Цзян Суйфэн этого не слышит. А то, зная его мелочный характер, он бы наверняка надулся на Цзин Чжи и потом долго не разрешал бы ему помогать ему в играх.

Такое уже случалось, и вспоминать об этом было больно.

— Ох, извините, пожалуйста, — смущенно пробормотала сиделка.

Цзин Чжи беззаботно улыбнулся ей и, открывая контейнер с едой, сказал:

— Ничего страшного.

Фан Юаню было очень даже страшно, но он тоже мог лишь сказать:

— Ничего.

Время близилось к обеду, и Фан Юаню нужно было возвращаться на работу. Он поспешно, не слишком вежливо, удалился.

Цзин Чжи привычно расставил контейнеры с едой на прикроватной тумбочке, взял миску с рисом, зачерпнул ложкой немного, добавил палочками овощей, подул, чтобы остудить, и поднес ко рту малыша, послушно сидевшего на кровати.

Цзин Мими с готовностью открыл рот и, проглотив еду, принялся жевать, отчего одна его щека очаровательно надулась.

Впервые человеческую еду котенок Мими попробовал, когда был бездомным. Она была смешана с запахом мусорного бака и не очень вкусной, но утоляла голод.

Когда папы забрали его домой, он из любопытства тайком пробовал их еду. Но его кошачий организм был слаб, и каждый раз после таких вылазок у него болел живот. Вскоре папы стали очень бдительны и почти не давали ему шанса что-нибудь стащить.

В больнице он ел только пресную пищу и ничего особенного не чувствовал, но сегодня, попробовав еду, приправленную солью и маслом, он словно открыл для себя новый мир.

Человеческая еда (хрум-хрум), оказывается, такая вкусная (хрум-хрум). Какую же горькую жизнь (хрум-хрум) он вел раньше, будучи котенком.

Все, что ему было нельзя есть раньше, он наверстает, став человеком!

Маленький обжора Мими был на седьмом небе от счастья.

Сиделка, сидевшая рядом, тоже открыла свой контейнер, но вдруг что-то вспомнила и с любопытством спросила:

— Кстати, Сяо Цзин, а ваш молодой человек завтра придет? Для безболезненной гастроскопии нужна подпись сопровождающего.

Цзин Чжи не знал, почему она была так уверена, что у него есть парень, — возможно, просто подсознательно так решила. Он поднес очередную остуженную ложку ко рту малыша и ровным голосом ответил:

— Мы уже расстались. Сестра, не могли бы вы за меня подписать? Я переведу вам деньги в качестве благодарности, считайте это платой за сопровождение.

Гастроскопия — процедура быстрая, много времени не займет, и он давно уже решил попросить сиделку помочь.

Приближался конец семестра, Фан Юань был завален работой, и время процедуры совпадало с

его лекциями. Он не хотел его беспокоить. Малыш был спокойным, сиделка почти все время была свободна, так что это не составило бы для нее труда.

Едва он договорил, как тут же замер.

Малыш, до этого послушно открывавший рот, вдруг плотно сжал губы. Ложка, которую Цзин Чжи уже поднес к его лицу, так и застыла в воздухе.

Цзин Мими, обнимая свою плюшевую рыбку, в ужасе смотрел на папу.

В его голове билась лишь одна мысль из семи слов: «Они уже расстались».

<http://bllate.org/book/13680/1212140>